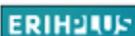
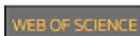

Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков / А. С. Рогожина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 423—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437.

Rogozhina, A. S. (2021). Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 4: 423-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437

Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков

Рогожина Ангелина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-1022-8135
WoS ResearcherID K-4243-2017
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
rogzhinaas@yandex.ru

Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева
(Орел, Россия)

Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries

Angelina S. Rogozhina
orcid.org/0000-0002-1022-8135
WoS ResearcherID K-4243-2017
PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History
rogzhinaas@yandex.ru

Orel State University
(Orel, Russia)

© Рогожина А. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о причинах возникновения и обстоятельствах преодоления голода в России в конце XIX — начале XX веков. Уделяется внимание анализу историографического материала по теме исследования. Выполнен обзор продовольственных кампаний, проводившихся в России в указанный период. Особое внимание уделяется вопросу, связанному с обстоятельствами кампании 1891—1892 годов, которая продемонстрировала несостоятельность продовольственного Устава, действовавшего в России с 1834 года. Автор останавливается на вопросах реформирования государственной продовольственной системы. Рассматриваются основные изменения, происходившие в государственной продовольственной системе и связанные с утверждением продовольственных правил 1900 года. Поднимается вопрос о роли органов местного самоуправления в государственной продовольственной политике изучаемого периода, а также пагубности принципа «самопомощи», положенного в основу государственной продовольственной системы. Уделяется внимание организации благотворительной помощи населению в контексте продовольственных кампаний. Доказано, что российская деревня в 90-е годы XIX — начале XX веков находилась в состоянии перманентного продовольственного кризиса, обусловленного отсутствием работающей модели государственной продовольственной системы.

Ключевые слова:

голод; российская деревня; государственная продовольственная политика; земские учреждения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the causes and circumstances of overcoming hunger in Russia in the late 19th — early 20th centuries is considered in the article. Attention is paid to the analysis of historiographic material on the research topic. A review of food campaigns in Russia during the specified period is carried out. Particular attention is paid to the issue related to the circumstances of the 1891—1892 campaign, which demonstrated the inconsistency of the Food Regulations in effect in Russia since 1834. The author dwells on the issues of reforming the state food system. The main changes that took place in the state food system and associated with the approval of the food rules of 1900 are considered. The question is raised about the role of local governments in the state food policy of the period under study, as well as the perniciousness of the principle of “self-help”, which is the basis of the state food system. Attention is paid to the organization of charitable assistance to the population in the context of food campaigns. It is proved that the Russian village in the 90s of the XIX — early XX centuries was in a state of permanent food crisis due to the lack of a working model of the state food system.

Key words:

hunger; Russian village; state food policy; zemstvo institutions.

Проблема голода и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков

© Рогожина А. С., 2021

1. Причины и предпосылки возникновения голода в России

Неурожай никогда не был для России явлением чрезвычайным. Частота его возникновения была традиционно обусловлена совокупностью климатических и географических факторов. Неурожаи редко случались повсеместно и, как правило, охватывали отдельные районы или даже местности. Неурожай не всегда порождал голод, будучи вместе с тем его основной причиной, наряду с целым комплексом социально-экономических и политических факторов. Одним из них было слабое внимание государственной власти к созданию работающей модели продовольственной системы, регулирующей создание и функционирование специальных механизмов, обеспечивающих как продовольственные, так и семенные запасы населения в условиях обширной территории Российской империи и неразвитой системы путей сообщения.

Законодательное оформление российской государственной продовольственной системы произошло в 1834 году в связи с изданием «Положения о запасах для пособия в продовольствии» [ПСЗРИ, т. 9, с. 691]. Согласно положению, для обеспечения продовольственных потребностей населения в случае неурожая и голода создавались специальные механизмы — сельские хлебозапасные магазины и денежные продовольственные капиталы. Устройство и содержание хлебных запасов в частновладельческих селениях ложилось на плечи владельцев селений и предводителей дворянства, в казенных селениях — на казенные палаты. Денежные капиталы составлялись посредством продовольственного сбора с каждой ревизской души поселян всех наименований, представляя собой собственность не отдельных селений, а губернии в целом. Общий надзор над хлебозапасными магазинами и денежными продовольственными капиталами осуществляли созданные еще в 1822 году Комиссии продовольствия.

Освобождение крестьян и последующие преобразования хозяйственно-распорядительного аппарата внесли кардинальные изменения в механизмы продовольственного обеспечения. Бывшие частновладельческие крестьяне были обязаны самостоятельно уплачивать продовольственный сбор, следить за содержанием хлебозапасных магазинов и ведать составлением и расходом натуральных запасов через органы крестьянского самоуправления.

Введение земских учреждений не повлекло одномоментного изменения продовольственных правил; в их обязанности входил лишь контроль за ненарушением правил органами крестьянского самоуправления. Однако на протяжении второй половины XIX века полномочия земств по распоряжению продовольственными ресурсами губернии постепенно расширялись, и уже в 70—80-е годы органы местного самоуправления ведали раздачей всех продовольственных запасов губернии, как натуральных, так и денежных.

Вместе с тем институциональный статус земских учреждений и растерянная в первые годы существования инициативность зачастую не позволяли им справляться с продовольственными затруднениями, возникавшими в связи с регулярными неурожаями. Хлебные запасные магазины наполнялись лишь на треть, большая часть денежных продовольственных капиталов состояла в недоимке за крестьянскими обществами, отсутствие мелкой земской единицы не позволяло отслеживать содержание запасов даже на уровне волости, а регулярные земские ходатайства о расширении их полномочий в продовольственном деле зачастую рассматривались как посягательство на решение политических вопросов и отклонялись без объяснений. Что касается позиции государственной власти в решении продовольственных проблем российской деревни, то ее нельзя назвать отстраненной, поскольку в случае значительных недородов и тем более голода правительство немедленно ассигновывало внушительные пособия как из общеимперского продовольственного капитала, так и за счет средств государственного казначейства.

2. Историография проблемы

Дореволюционные исследователи рассматривали голод как хроническое для пореформенной России явление и связывали его с отставанием в сельскохозяйственном производстве, которое объясняли последствиями крестьянской реформы 1861 года и дальнейшей аграрной политикой российского самодержавия. По мнению И. Плотникова, «крестьянские хозяйства находились в течение десятилетий в состоянии регресса; само крестьянство, как общественная группа, как сословие, находилось в состоянии непрерывного обнищания и вырождения» [Плотников, 1921, с. 9]. А. А. Исаев основной причиной неурожая и голода в России считал условия отмены крепостного права, при которых крестьянство не получило в пользование наделы, способные обеспечить доходность в условиях экстенсивной формы обработки земли [Исаев, 1892, с. 12]. На «нищету» крестьянского населения как фактор возникновения голода обращал внимание И. П. Белокопский [Белокопский, 1892, с. 76—77]. К. Одарченко, характеризуя 60—80-е годы XIX века,

называл их десятилетиями экономического застоя и даже экономического регресса [Одарченко, 1900, с. 82]. Многие историки и современники к обстоятельствам, способствовавшим возникновению неурожая и голода в пореформенной России, относили сохранение общины и круговой поруки [Ермолов, 1906, с. 14—15]. Советская историография также ставила задачу изучения причин возникновения голода в дореволюционной России. В этом отношении обращают на себя внимание работы по социально-экономической истории. Проблема «оскудения» Центра во второй половине XIX века была рассмотрена в исследовании М. С. Симоновой, которая связывала голод в России с обеднением российского крестьянства, вызванным падением доходности крестьянских хозяйств в контексте мирового экономического кризиса [Симонова, 1971, с. 236—263]. На кризисное состояние зернового производства в России в конце XIX века указывал А. С. Нифонтов, считая его результатом преобладания экстенсивной формы эксплуатации сельскохозяйственных земель [Нифонтов, 1974, с. 315—316]. А. М. Анфимов объясняет голод и разорение российского крестьянства социально-экономическими условиями реформы 1861 года, породившими возникновение помещичьих полукрепостнических лагифундий [Анфимов, 1984, с. 116]. Вместе с тем для советских историков весьма типична критика форм и методов регулирования государственной продовольственной системы, особенно в конце XIX — начале XX веков. Причину подобной тенденции современные исследователи связывают с некритичным восприятием советской историографией «подходов дореволюционных народнических публицистов и некоторых ученых-аграрников» [Давыдов, 2004, с. 263; Миронов, 2008, с. 639—648], использующих нерепрезентативную источниковую базу для их построения.

3. Продовольственная кампания 1891—1892 годов

Неурожай в России, как уже было отмечено, происходили регулярно и, как правило, не приводили к возникновению голода. Однако после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны российское крестьянство переживало небывалые по своему масштабу голодные годы, обусловленные, по мнению ряда исследователей, обстоятельствами как социально-политического, так и экономического характера. В период с 1891 по 1912 годы голод постигал Россию 12 раз.

Первенствующее положение в летописи голодных лет России занимают, пожалуй, 1891—1892 годы. Неурожай, главным образом, постиг губернии Центрально-Черноземного региона, Поволжья и Урала. Согласно докладу Хозяйственного департамента МВД, к маю 1891 года в Тульской губернии — «озимые большей частью неудовлетворительны, <...> часть полей перепажаны под яровые посевы»; в Рязанской губернии — «озимые

повсеместно, кроме Егорьевского уезда, неудовлетворительны; яровые от засухи приостановились в росте и начали сохнуть» и т. д. [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2054, л. 20—21 об.]

Вместе с тем зловещие признаки грядущего голода обозначались еще летом 1890 года. А. С. Ермолов, будущий министр земледелия и государственных имуществ, по окончании своей поездки по восточным и юго-восточным губерниям, осенью 1890 года обратился к министру финансов с предупреждением: «На Россию надвигается страшный призрак голода, — необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для предупреждения грядущего бедствия» [Ермолов, 1909, с. 99—101]. Однако правительство долго не признавало факта существования голода и не предпринимало каких-либо существенных действий. Лишь к середине 1891 года органы губернской администрации совместно с земствами начали подготовку к продовольственной кампании. Данный вопрос находился на постоянном контроле губернских властей и был предметом регулярной отчетности в центр [Минаков, 2003, с. 71, 81, 212—213]. В своих действиях земства руководствовались продовольственными правилами 1834 года, а также иными, по большей части уточняющими, нормативными правовыми актами по продовольственной части. Для обеспечения продовольственных потребностей нуждающегося населения в арсенале земств имелись сельские хлебозапасные магазины и заменяющие их общественные продовольственные капиталы, а также губернские продовольственные капиталы. Однако после начала продовольственной кампании выяснилось, что хлебные запасные магазины были практически повсеместно истощены, а большая часть губернских продовольственных капиталов числилась в недоимке за населением. Кроме того, в 1868 году сельские общества получили право переводить натуральные запасы в денежные для составления общественных продовольственных капиталов, которые к началу кампании 1891—1892 годов практически полностью были растрочены [ПСЗРИ, т. 43, с. 431—432].

Отсутствие местных продовольственных средств побудило правительство организовать закупочные операции зернового хлеба для доставки продовольствия и семенного материала в нуждающиеся местности. Закупка хлеба была поручена земствам. Однако земские агенты, вместо того чтобы закупать хлеб у собственных хлеботорговцев, уезжали в чужие далекие, часто южные, губернии, где своим одновременным появлением и несогласованными действиями вызывали непомерное возвышение хлебных цен. Доставка закупленного в отдаленных районах зерна вызывала дополнительные затруднения. По сообщению А. Измайлова, земства из соображений экономии, закупали хлебное зерно без мешков, в результате чего хлеб, привозимый на станции в вагонах, ссыпался прямо на снег по причине

отсутствия специальных помещений для его хранения [Измайлов, 1895, с. 19—20]. Зачастую роль амбаров играли сами вагоны, которые скапливались на станциях в ожидании разгрузки. Доставка привезенного зерна по деревням и селам, особенно, в условиях осенней и весенней распутицы, была совершенно непредсказуема.

Наряду с прямыми ассигнованиями на закупку продовольственного и семенного хлеба, правительством были организованы общественные работы для трудоспособных членов крестьянских семей, которые оказались значительным подспорьем в борьбе с продовольственными затруднениями. В период проведения общественных работ (1892 — июнь 1894 годы) к земельным, строительным, лесным, дорожным и пр. работам было привлечено более 88 тыс. человек [РГИА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 28]. При этом данная правительственная инициатива была признана убыточной для казны, поскольку по окончании работ вскрылись значительные злоупотребления в деле их организации.

Одной из отличительных особенностей голодных 1891—1892 годов явился небывалый подъем общественной помощи. В главе благотворительного движения встал Особый Комитет Наследника Цесаревича [РГИА, ф. 1683, оп. 1, д. 59, л. 1]. На борьбу с голодом в российскую деревню отправились выдающиеся деятели передовой общественности — В. И. Вернадский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко и др. Свой вклад в организацию благотворительной помощи голодающим крестьянам России внесло международное сообщество. В Северо-Американских штатах развернулось масштабное филантропическое движение.

Голод 1891—1892 годов вскрыл недостатки проводимой государственной продовольственной политики, обнажил последствия крестьянской реформы, обнаружил ущербность российской деревни и вызвал необходимость пересмотра продовольственного Устава. Неудачи закупочных операций, порученных земствам, явились одним из главных аргументов в пользу изъятия продовольственного дела из их ведения и дальнейшего совершенствования государственной продовольственной системы.

После окончания кампании 1891—1892 годов правительством неоднократно предпринимались попытки совершенствования продовольственного Устава. С этой целью на протяжении 90-х годов XIX века на разных уровнях государственного управления создавались ведомственные комиссии и комитеты для выработки новых продовольственных правил. Среди них наибольшую известность получила Комиссия под председательством В. К. Плеве. Результатом ее деятельности явилась выработка в 1895 году проекта нового продовольственного Устава. Однако проект оказался не востребовавшимся и «пролежал в столе» вплоть до 1899 года, когда его рас-

смотрение в Государственном совете было вызвано чередой неурожайных 1897—1898 годов.

4. Продовольственный кризис 1897—1898 годов

Для неурожая 1897—1898 годов была характерна неравномерность его распространения. В районах, не считавшихся пострадавшими от неурожая, могли встречаться отдельные местности и даже целые уезды, в которых наблюдался не просто неурожай, а голод. Другой типичной чертой неурожая 1897—1898 годов стала более высокая урожайность владельческих земель, нежели крестьянских. Причина этого заключалась в более качественной обработке земли, более совершенных орудиях труда, удобрениях и семенах.

Для помощи населению постигнутых неурожаем губерний правительство применило уже известные продовольственным кампаниям меры. Так, по поручению МВД Министерство финансов закупило в 1897 году в качестве его комиссионера за счет общеимперского продовольственного капитала хлеб для пострадавшего от неурожая населения Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской и Воронежской губерний [Ермолов, 1909, с. 147]. Эта операция была организована согласно постановлению, образованного при МВД междуведомственного совещания по продовольственной части. Купленный хлеб сдавался по заготовительным ценам в пунктах, указанных МВД, после чего все дальнейшие распоряжения относительно приема, хранения, перевозки хлеба к неурожайным местностям входили в круг обязанностей агентов этого министерства. На таких основаниях было приобретено и распределено около 6 млн пудов на сумму 4 475 000 руб. [Ермолов, 1909, с. 147].

Общее заведование делами по продовольствию населения на местах было поручено земствам, сельским обществам, волостным и сельским сходам, волостному и сельскому начальству и, главным образом, земским начальникам [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 178]. Кроме того, в постигнутых неурожаем губерниях вводились должности продовольственных попечителей из местных землевладельцев, приходских священников и других лиц, «проживавших в губерниях и заслуживающих доверия» [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 143]. Попечители получали в ведение участок и под контролем земского начальника оказывали помощь земствам в проверке ходатайств о ссудах на продовольствие и посев и в надзоре за правильной их раздачей [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 143].

Деятельность благотворительного сообщества в кампанию 1897—1898 годов носила стихийный и адресный характер. Она была сосредоточена преимущественно в руках Российского Общества Красного Креста, Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, Императорского Вольного

Экономического общества, а также отдельных частных лиц и заключалась в организации продовольственного и семенного обеспечения, медико-санитарной и трудовой помощи пострадавшим. При этом реакция благотворительного сообщества на кризис 1897—1898 годов не была столь бурной по сравнению с кампанией 1891—1892 годов. В определенном смысле это можно объяснить отношением государственной власти к деятельности частных благотворителей, выразившимся в циркуляре МВД от 18 августа 1898 года, согласно которому лица, прибывавшие в губернию, «должны были испрашивать на это разрешение у администрации или через местную полицию, а губернаторы — сообщать в МВД об открытии и результатах деятельности учреждений общественной благотворительности и пользоваться правом закрытия таких заведений только в исключительных случаях» [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 108]. Однако, по сообщению самих благотворителей, губернские власти часто злоупотребляли своими полномочиями и препятствовали организации благотворительной деятельности во вверенных им наместничествах [ОР РНБ, ф. 783, д. 10, л. 5—5об., 15].

Как уже было отмечено, на протяжении 90-х годов XIX века правительством была инициирована кампания по пересмотру продовольственного законодательства. Был разработан проект нового Устава, который с многочисленными изменениями и дополнениями был высочайше утвержден 12 июня 1900 года. Проект получил название «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» [ПСЗРИ, т. 20, с. 764—778]. Принципиальных изменений в деле продовольственного обеспечения российской деревни новый Устав не претерпел. В его основе по-прежнему был оставлен принцип «самопомощи» — по выражению И. К. Сухоплюева, «ахиллесова пята» государственной продовольственной системы [Сухоплюев, 1906, с. 23]. Главным отличием новых продовольственных правил явилось отстранение органов местного самоуправления от прямого заведования продовольственным делом на местах.

5. Неурожаи 1901, 1902 и 1903 годов

Однако новые «временные» продовольственные правила не выдержали проверки очередным неурожаем, постигшим южные, центральные, приволжские и восточные губернии России в 1901, 1902 и 1903 годы. Правительственная продовольственная кампания этих лет выявила недостатки последних корректировок продовольственной системы. Вместе с тем к успехам правительства можно отнести удачно проведенные закупочные операции продовольственного и семенного хлеба, организованные, как и в кампанию 1897—1898 годов, совместно МВД и Министерством фи-

нансов. Значительным подспорьем в сокращении многомиллионных государственных ассигнований стали местные общественные натуральные и денежные продовольственные запасы. Однако по окончании продовольственной кампании МВД признало несовершенство новых продовольственных правил. Бесспорным становился факт, что преимущественное положение в деле продовольственного обеспечения населения в неурожайные годы занимали хлебные запасные магазины. При этом воспользоваться запасами не представлялось возможности в силу того, что они являлись собственностью каждого отдельного общества. Кроме того, МВД было вынуждено признать поспешность полного отстранения органов местного самоуправления от участия в организации продовольственной помощи, особенно в деле устройства общественных работ.

Отличительной особенностью голодных 1901—1903 годов являлась практически полная намеренная отстраненность отдельных представителей русского общества от участия в благотворительной кампании. По выражению А. С. Ермолова, «новые правила, устранившие в значительной степени от дела общественные учреждения, сочувствием общества не пользовались, и лучшие общественные силы предпочли остаться в стороне — зрителями, а часто суровыми критиками действий администрации, которая их от себя оттолкнула, взвалив на свои плечи тяжелую и не всегда посылную ей тягость» [Ермолов, 1909, с. 235—236].

6. Голод 1905—1906 годов

Голодные 1905—1906 годы, как и последующие неурожайные 1907, 1908, 1911 и 1912 годы, были весьма типичны для России в отношении как причин и последствий, так и организации продовольственной помощи населению. Вместе с тем голод 1905—1906 годов обращает на себя внимание обстоятельствами, в контексте которых происходила борьба с ним. Очередная продовольственная кампания была проведена в условиях революции, железнодорожных стачек, самовольного разбора хлебных запасных магазинов, разгрома помещичьих хозяйств, угроз земским начальникам, а также требований поголовной раздачи пособий. Как и в прежние кампании, основным способом продовольственного обеспечения населения являлась организация закупок хлеба для нуждающегося населения. Закупочные операции были осуществлены МВД совместно с Губернскими присутствиями при посредстве неперемных членов. Закупка зерна для обсеменения крестьянских полей была возложена на крестьянские учреждения. Кроме того, в 1905 году Министерством путей сообщения было дано разрешение на внеочередную перевозку по железным дорогам хлеба для нуждающегося населения, а также бесплатное хранение закупленного для крестьян хлеба на станциях на-

значения в течение семидневного срока со дня прибытия. В подкрепление вышеназванной меры Министерством финансов были установлены льготные тарифы для перевозки по казенным железным дорогам продовольственного хлеба и кормовых средств в нуждающиеся местности.

Особенностью голодных 1905—1906 годов было практически полное отсутствие кормовых средств для домашнего скота. По свидетельству А. С. Ермолова, это была «едва ли не большая проблема по сравнению с отсутствием продовольственных хлебов» [Ермолов, 1909, с. 320]. Это происходило, главным образом, по той причине, что крестьяне распахивали всю надельную землю, включая поля, луга и даже леса. По той же самой причине, особенно в условиях суровой зимы 1906—1907 годов, обозначилась проблема отсутствия топлива для крестьянских изб. Недород, осложненный разгромом помещичьих имений, привел к отсутствию необходимости найма на сельскохозяйственные работы, что прежде служило значительным подспорьем для местного населения.

Деятельность благотворительного сообщества в продовольственную кампанию 1905—1906 годов выразилась в помощи Общеземской организации, Российского общества Красного Креста, Попечительства о трудовой помощи, а также Императорского Вольного Экономического Общества, при этом, «частная благотворительность далеко не имела той степени развития, как после 1891 года, да и во многих местностях не было уже и того контингента людей, из которого в прежние годы формировался кадр частных благотворителей» [Ермолов, 1909, с. 337].

Стоимость продовольственной кампании 1905—1906 годов составила для правительства 77 570 398 руб. Средства были позаимствованы из Общеимперского продовольственного капитала. В то же время Высочайший указ от 5 апреля 1905 года о сложении продовольственных долгов государственному казначейству в своем последнем пункте содержал разъяснение о полном списании всех долгов общеимперского капитала на счет казны [Ермолов, 1909, с. 272]. Это означало, что все последующие ассигнования на продовольственное обеспечение населения в случае неурожая или голода производились исключительно за счет средств государственной казны.

Активное участие земских учреждений в продовольственной кампании 1905—1906 годов, выразившееся в организации столовых, пекарен, общественных работ, врачебной помощи, заставило правительство пересмотреть свое отношение к степени участия органов местного самоуправления в продовольственном деле и признать полную несостоятельность «Временных правил 1900 годов».

В последующие кризисные в продовольственном отношении годы, как уже было отмечено, правительством предпринимались типовые способы

обеспечения продовольственных потребностей населения. Никаких принципиальных изменений государственная продовольственная система после принятия «Временных правил» 1900 года не претерпела. Отмеченный исследователями проблемы в качестве «пагубного» принцип «самопомощи», положенный в основу продовольственной системы, не был изменен. Голод 1911—1912 годов явился последним в истории имперской России. 1913—1917 года уже не потребовали от правительства осуществления комплексных мероприятий по обеспечению продовольствия российской деревни, особенно в условиях начавшейся Первой мировой войны. Однако, наряду с административно-полицейскими способами решения продовольственных вопросов и регулирования цен на товары первой необходимости, коронная власть на региональном уровне учитывала и растущую хозяйственную активность структур общественного самоуправления [Минаков, 2014, с. 66—71].

7. Выводы

В 90-е годы XIX века Россия вошла в полосу голодных лет, которые с кратковременными перерывами продолжались вплоть до 1912 года. Одним из самых разрушительных оказался голод 1891—1892 годов, получивший в отечественной историографии наименование «всероссийское разорение» и обусловивший усиление социально-экономического кризиса в российской деревне. Действующая с 1834 года государственная продовольственная система, основанная на устройстве натуральных и денежных запасов с применением принципа «самопомощи» в отношении заведомо некредитоспособных должников, в продовольственную кампанию 1891—1892 годов обнаружила свою несостоятельность. Правительством были задействованы колоссальные материальные ресурсы для устранения явных последствий аграрного кризиса. На борьбу с голодной стихией были брошены усилия всего благотворительного сообщества, объединившегося под эгидой Особого Комитета наследника Цесаревича, будущего императора Николая II. Голод начала 90-х годов XIX века явился поводом к проведению правительственной кампании по пересмотру продовольственного Устава, которая продолжалась вплоть до начала XX века и завершилась изданием «Временных» продовольственных правил. Их концептуальное отличие от прежнего законодательства заключалось в отстранении органов местного самоуправления от заведования продовольственным делом на местах. При этом «ахиллесову пятаю» продовольственной системы — принцип «самопомощи» — изменения не затронули. Новые продовольственные правила не выдержали проверку чередой неурожайных лет и организованными по их случаю продовольственными кампаниями. Преодоление продовольственных кризисов 1901—1903, 1905—1906, 1907—1908 годов происходило ис-

ключительно за счет средств государственного казначейства и помощи, оказанной представителями благотворительного сообщества, энтузиазм и самоотверженность которых постепенно «таяли». Изъятие продовольственного дела из ведения земских учреждений не имело положительных результатов. Напротив, земства внесли значительный вклад в организацию трудовой помощи в неурожайные годы. В связи с этим необходимо признать, что в России к началу Первой мировой войны так и не сложилась работающая модель государственной продовольственной системы, которая при неизбежном существовании недородов могла исключить возможность возникновения голода.

Источники и принятые сокращения

1. *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров «О порядке выдачи ссуд из сословных продовольственных капиталов и из сельских запасных магазинов» от 19 апреля 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. — Собрание 2, Т. 43. — С. 431—432.

2. *Высочайше* утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствие от 5 июля 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. — Собрание 2, Т. 9. — С. 691.

3. *Высочайше* утвержденные Временные Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — Собрание 3, Т. 20. — С. 764—778.

4. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 783 (Толстые Л. Н., М. Н.). Д. 10. Л. 5—5 об., 15.

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 4. Д. 2054. Л. 20—21 об.

6. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 4. Д. 2540. Л. 108, 143, 178.

7. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1683 (Островский Михаил Николаевич (1827—1901), министр государственных имуществ, председатель Департамента законов, почетный член Академии наук, член Государственного совета). Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 389 (Управление общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая (Лесной отдел) МВД). Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба Европейской России, 1881—1904 / А. М. Анфимов. — Москва : Наука, 1984. — 232 с.

2. *Белокопский И. П.* Народное продовольствие в Орловской губернии в земский период (к 25-летию земских учреждений) / И. П. Белокопский. — Чернигов : Земская типография, 1892. — 232 с.

3. Давыдов М. А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX — начале XX в. / М. А. Давыдов // Экономическая история: ежегодник. — Москва, 2004. — С. 243—283.

4. Ермолов А. С. Наш земельный вопрос / А. С. Ермолов. — Санкт-Петербург : типография В. Киришабама, 1906. — 293 с.

5. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос / А. С. Ермолов. — Санкт-Петербург : типография В. Киришабама, 1909. — Т. 1—2. — 599 с.

6. Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. / А. Измайлов. — Санкт-Петербург : типография Ю. Н. Эрлих, 1895. — 54 с.

7. Исаев А. А. Неурожай и голод (лекции в Императорском Александровском лицее) / А. А. Исаев. — Санкт-Петербург : типография Р. Голике, 1892. — 45 с.

8. Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны / А. С. Минаков // Российская история. — 2014. — № 5. — С. 62—73.

9. Минаков А. С. Губернское ведомство МВД: состав, функции, взаимодействие с центром (по материалам Орловской губернии второй половины XIX — начала XX веков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. С. Минаков. — Орел : ОГУ, 2003. — 282 с.

10. Миронов Б. Н. «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»: борьба общественности с монархией / Б. Н. Миронов // Россия и мир: панорама исторического развития. — Екатеринбург : Волот, 2008. — С. 639—648.

11. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века / А. С. Нифонтов. — Москва : Наука, 1974. — 318 с.

12. Одарченко К. Организация и задачи земского самоуправления / К. Одарченко. — Москва : Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями, 1900. — 183 с.

13. Плотников И. Неурожай в России, их причины и меры борьбы с ними / И. Плотников. — Петроград : Полит. упр. Петрогр. воен. окр., 1921. — 24 с.

14. Симонова М. С. Проблемы социально-экономической истории России / М. С. Симонова. — Москва : Наука, 1971. — 373 с.

15. Сухоплюев И. К. Основной принцип действующей продовольственной системы / И. К. Сухоплюев. — Одесса : Славянская типография Е. Хрисогелос, 1906. — 25 с.

16. Филимонов В. Я. Новый продовольственный закон: пособие к применению временных правил 12 июня 1900 года по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей / В. Я. Филимонов. — Москва : Ф. В. Бусыгин, 1902. — 177 с.

MATERIAL RESOURCES

OR RNL — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. F. 783. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 1287. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 1683. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 389. (In Russ.).

The highest approved provision of the Committee of Ministers “On the procedure for issuing loans from estate food capitals and from rural spare stores” dated April 19, 1868. (1873). In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 2/43. Saint-Petersburg: printing house of the II Department of His Imperial Majesty’s Own Chancellery. 431—432. (In Russ.).

The highest approved Provisional Rules for meeting the food needs of rural inhabitants of June 12, 1900. In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 3/20. (1902). Saint-Petersburg: State Printing House. 764—778. (In Russ.).

The highest approved Regulation on reserves for food allowances dated July 5, 1834. In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 2/9 (1835). Saint-Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 691. (In Russ.).

REFERENCES

- Anfimov, A. M. (1984). *Economic situation and the class struggle of European Russia, 1881—1904*. Moscow: Nauka. 232 p. (In Russ.).
- Belokonsky, I. P. (1892). *Folk food in the Oryol province during the zemstvo period (to the 25th anniversary of zemstvo institutions)*. Chernigov: Zemskaya Printing House. 232 p. (In Russ.).
- Davydov, M. A. (2004). On the issue of “hungry export” of grain from Russia at the end of 19th — beginning of 20th century. In: *Economic history: yearbook*. Moscow. 243—283. (In Russ.).
- Ermolov, A. S. (1906). *Our land question*. Saint-Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 293 p. (In Russ.).
- Ermolov, A. S. (1909). *Our crop failures and the food issue, 1—2*. Saint-Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 599 p. (In Russ.).
- Filimonov, V. Ya. (1902). *New food law: a guide to the application of temporary rules on June 12, 1900 to meet the food needs of rural inhabitants*. Moscow: F. V. Busygin. 177 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1892). *Crop failure and hunger (lectures at the Imperial Alexander Lyceum)*. Saint-Petersburg: R. Golike printing house. 45 p. (In Russ.).
- Izmailov, A. (1895). *Railways in a poor harvest in 1891*. Saint-Petersburg: Yu. N. Erlikh printing house. 54 p. (In Russ.).
- Minakov, A. S. (2003). *Provincial department of the Ministry of Internal Affairs: composition, functions, interaction with the center (based on materials from the Oryol province of the second half of the 19th — early 20th centuries)*. PhD. Diss. Orel: OSU. 282 p. (In Russ.).
- Minakov, A. S. (2014). Governor's power during the First World War. *Russian history*, 5: 62—73. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2008). “Autocracy is a civil war with all its calamities”: struggle of public against the monarchy. In: *Russia and the world: a panorama of historical development*. Yekaterinburg: Volot. 639—648. (In Russ.).
- Nifontov, A. S. (1974). *Grain production in Russia in the second half of 19th century*. Moscow: Nauka. 318 p. (In Russ.).
- Odarchenko, K. (1900). *Organization and tasks of zemstvo self-government*. Moscow: Autocracy is a civil war with all its calamities. 183 p. (In Russ.).
- Plotnikov, I. (1921). *Crop failures in Russia, their reasons and measures to combat them*. Petrograd: Polit. ex. Petrogr. military. env. 24 p. (In Russ.).
- Simonova, M. S. (1971). *Problems of the socio-economic history of Russia*. Moscow: Nauka. 373 p. (In Russ.).
- Sukhoplyuev, I. K. (1906). *The main principle of the current food system*. Odessa: Slavic Printing House E. Chrysogelos. 25 p. (In Russ.).